

В КОИ-ТО веки свернула письмомошец к его избе, стукнула в окошко: «Боря, пляши!». Действительно, сойти, если учесть, что за всю жизнь он не написал и не получил ни одного письма. Грамоты попросту не разумеет, потому что с малолетства слепой.

Правда, четыре десятилетия своей жизни Борис никогда не оставался один на один со своей бедой. Сперва рядом с ним всегда была мама; помнит, как еще сонного — в охапку и на ферму, где сунет в руки алюминиевую кружку парного молока. Днем она хлопочет по дому, обряжает скотину, а Борька занят сам по себе. Больше всего любил возиться с оставшимся от погибшего на лесозаготовках отца наследством — вятской гармошкой-хромкой.

Гармонисты на селе столь же редки, как кони, и Борю сызмальства старушки то и дело звали на свои посиделки потешать песнями, которые «не играют по радио».

В школу пошел, как все одногодки. И учился не хуже их. Разве что диктанты да сочинения не писал, а вслух пересказывал учителю: мол, здесь запятая, а тут — двоеточие. После школы дама из райсовета предложила Борису оформиться в интернат общества слепых. Ради любопытства поехал посмотреть и попал в странный мир, в котором уравнился с окружающими. На селе за слепоту его привечали и пособляли, как могли, а здесь он стал одним из сотен — все такие, все на равных. Да и непривычно было идти по звонку в мастерскую, чтобы целый день плести провода. К тому же отчий дом-пятистенок с престарелой матерью не бросишь: какой-никакой, а все-таки единственный сын, опора в старости.

Так он считал. А когда мать умерла, оказалось, что опорой была она ему: столько всяких дел и по дому, и по хозяйству навалилось, что стало не до гармонии — успеть бы управиться до сна. Так бы и жил в круговерти день за днем, год за годом. Но вдруг перевернул всю жизнь концерт самодеятельности по областной радио. Екнуло, зазвело сердце, когда услышал: «Северные наигрыши исполняет баянист Истомин со станции Коноша. От рождения он слепой, но у него зрячее сердце, чуткая душа». Ах, как же он играл! Слушая музыку, Борис пришел в такое волнение, что до утра не смог сомкнуть глаз. А как только ожило село, побежал в гараж: «Довезите до станции!».

В Архангельске добрые люди довели до здания, где размещался всемирно знаменитый Северный народный хор имени Колотиловой. Борис снял с плеча отцовскую хромку и два часа без перерыва одну за другой играл песни, которые пели старушки на посиделках. Когда закончил, в зале для репетиций молчали.

— Да, самородок, — сказал наконец руководитель музыкальной группы хора. — Надо же, такие таланты таятся в глубинке! А мы их посто-

цам ищем. И репертуар какой — где только эту старину откопал!

Борькина душа враз вознеслась на вершину счастья. Впрочем, чтобы тут же отчаянно, жестоко рухнуть на острые камни.

— Но не судьба играть тебе у нас, парень! Как же ты с бельмами на сцену выйдешь; поводыр тебе нужен. Да и поселить нам тебя негде — нет своего общежития...

Такую же острейшую боль он почувствовал, когда соседский мальчишка-однодок, играясь, плеснул в глаза кислотой. Только на этот раз ошпарили душу.

При выписке лечащий врач посоветовал:

— Запомни, парень, это имя: Федоров. Если ты когда-нибудь прозреешь, то благодаря ему.

К СЕЛЬСКОЙ пристани парход причалил задолго до рассвета, так что она была совершенно пуста, если не считать обменщика почты дяди Коли. Тот беззлбно заинтересовался: «Выходит, не получилось из тебя артиста?». «Выходит», — покорно согласился Борис.

Войдя в избу, он первым делом слазил в погреб и достал оставшиеся еще с поми-

от него ни на шаг. Ну а он к концу дня, проведенного на крыльце магазина, без Ларисы и в самом деле шага не смог бы сделать. Впрочем, на селе это за грех не почитается: раз жена разрешает — значит, любит, а под ручки ведет до дому — выходит, заботится.

ВОТ ТАКАЯ распрекрасная жизнь шла у Бориса, которую чуть не нарушил стук почтальонши в окно: «Пляши, тебе письмо». Первое и единственное в жизни, Лариса с недоверием вскрыла казенный, с лиловым чернильным штампом конверт. На машинке отпечатано направ-

ким он увидит мир. В своей душе он сотворил образ жены таким, какой хотел бы ее видеть. А после прозрения рядом с ним окажется совсем непохожая на мечту женщина, у которой прежний останется лишь голос... Да и весь окружающий мир, надо полагать, отличается от его волей-неволей приукрашенных представлений. И отличается, конечно, не всегда в лучшую сторону... Словом, увидеть жизнь — перспектива, конечно, заманчивая, но и устрашающая.

Честно говоря, он утратил саму эту потребность — видеть. Не удивляйтесь. Ведь не чувствуем же мы космические излучения, хотя буквально насквозь пронизаны ими. Нет у нас такой потребности. А может, мы таким образом защищаем себя от той колоссальной и пугающей бесконечностью информации, которая идет из глубин Вселенной? Вот и Бориса темная пелена в глазах отгораживает от многосложной жизни.

Директору школы на вопрос, почему не едет на операцию, Борис ответил:

— А я так проживу — незрячим.

И пояснил: — А на кой мне зрение? Я могу делать любую сельскую работу, даже на рыбалку хожу. А вот как жить зрячим, не знаю. Представления не имею. Переучиваться сложно, долго. Да и надо ли?!

Не правда ли, оторопь берет от таких слов. Но не спешите осуждать Бориса. Сотрудники комплекса «Микрохирургия глаза» обследовали одиннадцать тысяч слепых. Оказывается, нам, зрячим, трудно представить себе, что может существовать такая привычка: не видеть мир. Абсурдным это казалось и врачам. И все же множество людей, которым можно было бы вернуть зрение, отказались от операции. Некоторые из-за того, что лишатся пенсии, но остальные привыкли к слепоте и... не хотят с ней расставаться. Нет, не берусь осуждать несчастных людей, но и понять — не понимаю.

Думал: это болезнь. Перелистал учебники по офтальмологии и психиатрии — нет о ней ни слова. Потому что в основе боязни прозреть не физиология, а социальные причины. Дело не в глазах, а в душе. Ей удобнее и комфортнее оставаться слепой: многого не видеть, не замечать, жить не реальностью, а собственными представлениями о ней. Потому-то так сложно дается прозрение каждому из нас, да и всему обществу.

Но уж если так обстоит со зрячими, то будем ли мы швырять камни в Бориса, который на крыльце сельского магазина привычно наигрывает «Прощание славянки»!

Он ничего не видит, что творится вокруг. И оттого всегда спокоен. Не в пример нам, зрячим.

В. КОНДАКОВ.

Архангельская область.

СЛЕПОЙ ГАРМОНИСТ

Натыкаясь на ступеньки лестницы, Борис выбежал на улицу. С горя растянул меха хромки. Так и шел, не разбирая дороги: посередке проспекта Павлика Виноградова, во всю мочь наяривая «Прощание славянки». Он прощался с мечтой, а значит — с никому не нужной теперь жизнью. Машины аккуратно объезжали его, а прохожие, дивясь, возмущались: «Надо же с утра так набраться!».

Уже на набережной Двины Бориса нагнал запыхавшийся худрук хора:

— Извини, друг, коль не так выразился. Но правда — она ведь не из мармелада, а вроде крапивы: до волдырей колется. В общем, чтобы выйти на сцену, тебе надо стать зрячим. Попробуем помочь.

Потом Борис долго сидел на продавленном дерматиновом диване, пока администратор хора накручивал телефон: мол, возьмите на лечение будущего маэстро баяна, а мы вам за это — шефский концерт.

Бориса положили в областную больницу. После разных анализов и обследований вынесли приговор: делать операцию нецелесообразно. Правда, на последнем обходе лечащий врач осмелился возразить заведующему отделением:

— Я не считаю больного безнадежным. Думаю, его надо показать Федорову.

На что услышал: — У Федорова без нас забоб хватает.

В один из дней пути Боригармониста и безвестного тогда хирурга-офтальмолога едва не пересеклись: обоих разделяли буквально несколько шагов. В палату влетел лечащий врач: «Боря, будь на месте! Приехал Федоров». Но уж если не везет, то на полную катушку: проконсультировав намеченных больных, будущее светило уехал в медицинский институт, где заведовал кафедрой...

нок матери поллитра, которые хранил «на всякий пожарный случай». Теперь этот случай настал.

Проснувшись с тяжелой головой, Борис прихватил гармонь, направился к магазину. Был «час волка», когда загулявшие с вечера мужики имели законное право «поправить здоровье». Борису охотно налили раз, другой и наполнили стакан до тех пор, пока гармонь не издавала жалобный прощальный стон.

Так с тех пор и повелось: гармонь Бориса возвещала открытие магазина. Когда на ее зов собирались мужчины и гармонист пропускал «по первой, которая без закуски», он заводил бесконечные и непонятные окружающим разговоры про какого-то доктора Федорова, который, верить не верить, сделает зрячим. Мужики крутили пальцем у виска и доливали в стакан гармониста: «Ну и горазд ты на выдумки!». «Не верите?! — горячился подогретый водкой Борис. — Вот те крест!». И торопливо, подчеркнуто театрально крестился на обшарпанную церковь без купола.

Деревня хороша тем, что даже в наше несныжное время пропасть с голоду не дадут. Тем более гармонисту, без которого ни свадьба, ни поминки не обойдутся. Да и сам, были б только руки, прокормиться не в пример горожанину. Пустым огород не оставишь, а коли ты на инвалидности, то покатоаться на грядках — одно удовольствие.

Особенно пошло в рост подворье Бориса, когда к его дому прибилась присланная в село выпускница кооперативного техникума Лариса — сперва на постой жилищей, а вскорости стала полноправной хозяйкой. Борис у нее, как малое дитя, всегда на глазах: она в конторе оформляет бухгалтерские ведомости, а муж на крыльце магазина гармонь растягивает. И хотя была Лариса чуть не вдвое моложе, но так прикипела к послушному Боре, что

ление на имя Бориса в Московский комплекс «Микрохирургия глаза»: «На обследование и последующую госпитализацию».

Боря враз вспомнил. Однажды года два назад на крыльце магазина подошел к нему директор школы и с удивлением сказал: «Оказывается, не врал ты про Федорова. В самом деле есть такая. Только он уже не в Архангельске, а в Москве. В газетах сообщают: любой слепой у него зрячим становится. Давай-ка я от твоего имени ему напишу. Думаю, вряд ли откажет: как-никак наш земляк, архангелогородец».

И вот — ответ с самоличной подписью «Генеральный директор, член-корреспондент АМН СССР, профессор»... Вроде все село с гарантией на прозрение. Вот ведь как повезло! Наконец-то Борис увидит образы жены, окружающих, зелень лета и чистоту зимы, голубизну неба и трепетность «белых ночей»... Все это в жизни есть, реально существует, но где-то вне его. Точнее, вне зрения. И вот завеса тьмы падет, открыв взору мир света, красок, оттенков, объемов, давлений...

Борису бы прыгать до потолка, пройтись по улице с трехрядкой. На худой конец, ухватиться всумерек от счастья. А ему отчего-то после вызова из Москвы вдруг стало... неудобно и тоскливо. Чем дольше он размышлял, тем крепче утверждался во мнении: прозрение ничего, кроме хлопот и тревог, не сулит. Судите сами. Снимут инвалидность, лишат пенсии — значит, придется устраиваться на работу. А куда, если за всю свою жизнь он выучился лишь играть на гармошке? Прозрев, он столкнется с массой забот, неведомых слепому: от стояния в очередях до безразличного, без всякого снисхождения, отношения окружающих.

Да и неизвестно еще, ка-

Главный редактор В. ЧИКИН.

Редакционная коллегия: Н. ГАРИФУЛЛИНА, Л. ГЛАДЫШЕВА, В. КОНДАНОВ, Л. ИРАЙНОВ (зам. главного редактора), В. ЛЯШЕНКО (ответственный), Ю. НИКОЛАЕВ (зам. главного редактора), В. ОВЧАРОВ, А. РЯБОВ, Ю. СУББОТИН, И. ФИЛИМОНОВ, А. ЯКОВЕНКО (первый зам. главного редактора).

УЧРЕДИТЕЛИ —

профессиональная организация редакции, трудовая коллекция фирмы «Завидия»

АДРЕС РЕДАКЦИИ: 125863, ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.

ТЕЛЕФОНЫ: по газете: 257-28-84, по письмам: 257-22-17, по рекламе: 257-24-97. Телетайп: 417287 «Черны». Факс: 200-22-90.

Иом в пе По в 12

Советская Россия г. Москва

03 ОКТ 1992